
Юрий ИВАНОВ

МОЯ ПОСЛЕВОЕННАЯ ДЕРЕВНЯ

Рассказ

За ними ряд холмов и нивы полосаты,
Вдали рассыпанные хаты...

А. С. Пушкин

Эти «рассыпанные хаты» — наша родовая деревня. Она называется Зимари. Вряд ли Пушкин знал ее название, во всяком случае, он нигде его не упоминал, но видел нашу деревню постоянно, так как она находилась за рекой и за лугом, как раз напротив окон его усадьбы.

Закончилась война, жители Ленинграда постепенно возвращались к нормальной жизни после блокады, остался позади и голод 1946 года. Первый послевоенный год помню хорошо, так как не переставал удивляться, почему страдаю от голода почти так же, как в блокаду. И в 1947-м было голодно, даже в пионерском лагере завода «Русский дизель», где я провел две смены и откуда писал, что третью уже не выдержу.

А на все лето 1949-го меня решили отправить в деревню. Оттуда сообщали, что кое-как отстроились, картошка есть, еще один рот обузой не станет. А свежий воздух и деревенская еда должны поправить здоровье измученному блокадой и послевоенными невзгодами ребенка.

В конце мая дядя Костя, брат отца, привез меня и своего сына, моего двоюродного брата Геню, в Пушкинские Горы, к нашему общему двоюродному брату Николаю. До революции в крестьянских семьях было по многу детей, и потому у меня в Пушгорах (так жители называли село) и в окрестных деревнях родственников было немало. Несмотря на бомбежки в начале войны и напряженные оборонительные бои, в ходе которых Пушгоры в июле 1941-го не раз переходили из рук в руки, а к моменту освобождения в 1944-м были почти полностью разрушены, дом Николая уцелел, большой, добротный и даже с теплым туалетом внутри, что в то время было большой редкостью.

Сам Николай только что демобилизовался: он успел повоевать в Германии в конце войны, а вот его отец Павел, мой дядя, погиб в Латвии. (Почему-то никак не могу найти его в базе данных ОБД, хотя все о нем знаю, а его подвиг был описан в местной газете на основе данных, обнаруженных детской общественной организацией «Красные следопыты» в ходе поиска героев войны.)

Юрий Ильич Иванов родился в 1937 году. Окончил Ленинградский политехнический институт. Работал инженером на Ленинградском машиностроительном заводе «Звезда». С января 1975-го по ноябрь 1977 года по направлению Государственного комитета по экономическим связям работал в качестве эксперта ООН по дизельным электростанциям Восточной Африки в городе Могадिशо (Сомали). С 1990 года по настоящее время работает по индивидуальным контрактам переводчиком с английского языка технических текстов. Блокадник, ветеран войны, ветеран труда.

Но в доме двоюродного брата пробыл я недолго. Каким-то образом известие о моем приезде дошло до деревни Зимари, родной деревни моей мамы, куда я и должен был отправиться на летний отдых. И вот оттуда приехали моя двоюродная сестра Тоня, старше меня, и двоюродный брат Геня со стороны матери, на год меня моложе. Тоня взяла мой чемодан, и мы пешком пошли в деревню, до которой было шесть километров. Всю дорогу Тоня несла чемодан сама.

Шли мы по разбомбленной во время войны железнодорожной насыпи. Надо сказать, что до войны до Пушкинских Гор можно было добраться на поезде. (Железную дорогу построили еще до революции, в те времена, когда в Российской империи строительство железных дорог шло очень активно. Из классической литературы мы знаем, что инженеры-путейцы были инженерной элитой. От технического прогресса мы в те времена не отставали. Кстати, железнодорожную насыпь можно и сейчас увидеть на спутниковой карте.)

Сначала мы пришли на разрушенную станцию Тригорское. От нее остались только фундамент и ровная площадка, напоминавшая о том, что когда-то здесь находилась платформа. А уже потом попали на насыпь. Железнодорожная насыпь, как известно, не петляет, а значит, мы выбрали кратчайший путь. Но во многих местах насыпь была изрыта воронками от авиабомб, и нам приходилось обходить их, спускаясь вниз и снова поднимаясь вверх. Во время войны село и окрестности заминировали, но я никогда не слышал о каких-либо случайных подрывах и жертвах. Спасибо нашей армии за успешно проведенное разминирование Пушкиногорья после войны. Мне так и сказали: мин можно не бояться.

Когда мы проходили мимо деревни Кокорино, места рождения моего отца, ребята показали огромную воронку, образовавшуюся после взрыва собранных в окрестностях мин. В километре от Кокорина насыпь пересекала дорога, та самая, по которой Пушкин почти каждый день ходил из Михайловского в Тригорское, в имение Осиповых-Вульф. Неподалеку виднелась деревня Воронич, расположенная вблизи одноименного городища, знаменитого тем, что некогда его жители отбились от одного из польских отрядов Стефана Батория.

Спустившись с насыпи, мы подошли к реке Сороти у разрушенного железнодорожного моста. Страшно было смотреть на искореженные балки и фермы, выступавшие из неглубокой реки. Однако рядом уже действовал восстановленный деревянный автомобильный мост, по нему мы и перешли реку. Потом повернули направо и остановились передохнуть около остатков садов усадьбы Дериглазово.

Странно, что Пушкин, проходя мимо усадьбы, не заметил ее красоты. А она того стоила. Расположенная на высоком прибрежном холме, она виднелась издали и оправдывала свое название, восхищая изумительными пейзажами («дери глаз на все стороны»). По преданию, здесь жила строгая барыня. Впрочем, одно доброе дело она все-таки сделала — заговорила правый берег от змей. И действительно, за все годы посещения заречья я никогда змей не видел, а вот на стороне Михайловского встречались. (Местные крестьяне называли заречье «зарецкой стороной»: их речь отличалась «цоканьем». А сельсовет за Соротью — «зарецким сельсоветом».)

Про отсутствие змей за рекой я не знал и, проходя по мосту, опасливо поглядывал на перила, вспоминая строки Некрасова, незадолго до каникул выученные в школе:

Мы оба нагнулись, да разом и хватъ
Змею! Я подпрыгнул: ужалила больно!
Савося хохочет: «Попался спроста!»
Зато мы потом их губили довольно
И клали рядком на перилы моста.

Я не понимал, как это Савося мог смеяться над мальчишкой, только что укушенным змеей: он ведь мог умереть от ее укуса.

Пройдя по берегу Сороти два километра, мы наконец добрались до деревни.

Деревня Зимари расположена на одном из холмов, описанных Пушкиным. Зимаревский холм представляет собой скорее хребет, протянувшийся, постепенно повышаясь, под прямым углом от реки Сороти с востока на запад. По гребню хребта проходит проселочная дорога, а по обоим склонам теснятся избы и приусадебные участки. Южный склон холма-хребта обращен к Михайловскому, поэтому засеянные рожью полоски крестьянских наделов и описаны Пушкиным: «нивы полосаты». А его вершина расположена выше Михайловского — на музей-усадьбу Пушкина зимаревские обитатели всегда смотрят сверху вниз.

Хотя после войны прошло всего пять лет, деревня уже почти отстроилась заново, несмотря на то, что во время оккупации была полностью сожжена немцами. Правда, послевоенные дома скорее походили на небольшие избышки — иначе и не назовешь. Да и откуда было взяться хорошим домам в то время? Строились кто как мог. Нашу небольшую «изобку» (так говорили местные жители) дядя Вася, родной брат моей мамы, привез откуда-то из лесной деревни в псковской глубинке. Там они бревна поместили, разобрали сруб и до Зимарей сплывили по Сороти, а потом собрали снова. Крыша была, конечно же, соломенная. Однако не стоит думать, что солома — плохой кровельный материал. Слой соломы на крыше имел толщину около 20 сантиметров, и поэтому такая крыша никогда не протекала, а тепло сохраняла очень даже хорошо. Кроме того, соломенные «хаты» хорошо смотрелись из Михайловского, и Семену Степановичу Гейченко, тогдашнему директору музея, очень это нравилось.

Тем не менее одну просторную и богатую избу позже я все-таки обнаружил. Это был дом Семеновых. В Зимарях раскулачили и сослали в Сибирь две семьи — Помогаевых и Семеновых. О Помогаевых в деревне сохранилась добрая память — они действительно много помогали односельчанам, но сгнули в Сибири. А вот Семеновы вернулись. В Сибири они не пропали: крепко работали, построили большой дом, потом его продали и вернулись в родную деревню. Вот уж поистине: русский мужик гнется, да не ломается.

И вот я в нашей избе. Здесь ютятся дядя Вася с двумя детьми: Тоней, 16 лет, и Саней, 18 лет. Их мать умерла еще до войны. Тут же моя тетя Нюша с сыном 11 лет Геней (раньше говорили Геня, а не Гена), и теперь еще буду жить я. Итого в маленькой избышке шесть человек. Электричества, конечно же, нет, как не было и до войны. Лампочки Ильича в деревне зажглись лишь в 1967 году, к 50-летию советской власти. Тогда же появилось и телевидение. Вот такая электрификация всей страны. И это рядом с заповедником всемирного значения. Изба стояла на самом краю деревни, рядом с лесом, и поэтому во время войны сюда часто наведывались партизаны. Позднее по большому секрету дядя Вася мне рассказал, что это ему не нравилось, так как они всегда просили еды и самогонки. Тем не менее он всегда помогал партизанам, иногда ремонтировал им обувь, одежду и оружие. Так же поступали и многие другие жители. Зимари с полным правом заслуживают звания партизанской деревни. Много есть у нас городов-героев. Жаль, нет деревень-героев, а они заслуживают такое звание...

Первое время немцы вели себя довольно спокойно: партизанская война еще не началась. Был такой случай. Моя тетя Нюша, тогда молодая, красивая, статная женщина (про таких как раз писал Некрасов: «Есть женщины в русских селеньях...»), пошла на реку за водой. В это время там проходил немецкий патруль из двух автоматчиков. Они стали заговаривать с тетей: «Фройляйн, фройляйн». Однако «фройляйн» не испугалась и даже замахнулась на них коромыслом, прибавив несколько крепких слов.

Немцы засмеялись, жестами показали, что они ее не собираются трогать, и пошли дальше.

Был и другой невероятный случай. Немцы забрали всех коров. Дядя Вася набрался смелости и пошел в Пушкинские Горы. Каким-то образом он попал к коменданту и рассказал тому, что он вдовец, у него двое маленьких детей и без коровы ему не обойтись. И комендант разрешил ему найти в угнанном стаде свою корову и увести ее домой! В этот рассказ я поверить не мог и признался в этом дяде, однако он клялся и божился, что все так и было.

Но постепенно партизанское движение нарастало. К северу от Сороти расположен большой малонаселенный лесной массив. (Его можно увидеть на спутниковой карте.) Там нет дорог и очень мало деревень. Немцы за все годы оккупации туда так и не сунулись. Это был партизанский край, в истории Великой Отечественной войны получивший название партизанской республики. Люди продолжали там жить так же, как при советской власти. Многие за всю войну так и не увидели немцев. Пахали, сеяли, собирали урожай. Все, что смогли сделать немцы, это установить блокпост на мосту через Сороть, служившую границей партизанского края.

Здесь иногда проходили стычки с партизанскими разведчиками. Дядя Вася рассказывал такой случай. Как-то пришел к нему партизан и спросил, нет ли в деревне фашистов. А немцы к этому времени в деревню уже не заходили, о чем дядя Вася и сообщил. «Наливай, дед, самогонки», — потребовал партизан. Дядя Вася налил ему стакан. Выпив, захмелевший партизан сказал: «Шшас вдарю», после чего направился к мосту. Через какое-то время послышались звуки выстрелов. Прошло еще немного времени, и к дяде Васе прибежали немцы. «Где партизан?» — кричали они. «Убежал в лес», — ответил перепуганный дед. Немцы показали потерянную партизаном кепку и сказали дяде Васе, чтобы он передал партизану — в следующий раз тот попадетсЯ. А несколько успокоившись, потребовали: «Наливай, дед, самогонки». Пришлось налить и им. Возможно, поэтому дядю Васю не тронули.

Кстати, «деду» было всего 42 года. Но хитрый дядя Вася отрастил бороду и молодёжи казался стариком. На эту войну его не взяли, но в Гражданскую мобилизовали в Рабоче-Крестьянскую Красную армию, и он успел повоевать с Врангелем. Побывал в плену у белых, где на вопрос, откуда родом, ответил, как принято у псковских: «Мы скобские». Поняв, с кем имеют дело, белогвардейцы отправили его работать санитаром. После освобождения из плена его отпустили домой, и он благополучно вернулся на Псковщину.

Тете Ньюше повезло меньше. Не сумев справиться с партизанским движением, немцы решили сжечь все деревни вдоль правого берега Сороти, по границе партизанского края. При этом они все-таки предупредили жителей, что деревни сожгут, и дали время вывезти имущество. Тетя пошла к свекру в деревню Косохново — просить приюта для себя и маленького сына. Когда она подходила к мосту, немцы заметили движение в кустах, подумали, что это партизаны, и открыли огонь из пулемета. Тете попало по ногам. Она закричала, немцы побежали на крик и увидели раненую молодую женщину. Пожалели. В это время мимо проезжал мужик с возом сена из деревни Федорыкино. (Впоследствии он всю историю рассказал тете.) Немцы, подбегав к телеге, скинули сено, попросту перевернув телегу, тетю перевязали, положили на телегу, один из немцев сел с ней и велел гнать в Пушкинские Горы. Доставили в немецкий госпиталь, где тете сделали необходимую операцию. Одну ногу немецкие врачи сохранили, а другую ампутировали, или, как в военное время говорили, отняли, ниже колена. Когда раны зажили, деревенский плотник вытесал ей из чурбана деревянную ногу и костыль. После войны она приезжала к нам в Ленинград, где ей сделали протез. Помню, как тетя обижалась на то, что ей дали категорию «инвалид несчастного случая». Такая вот случайность. Тем не менее протез ей сделали довольно быстро,

а в дальнейшем ей делали протезы уже во Пскове. Надо сказать, что протезы изготавливали очень неплохие. Спасибо послевоенным мастерам. Таких протезов после войны им приходилось делать великое множество.

Но вернемся к моему послевоенному появлению в деревне. Вечером мы отправились на ежедневную деревенскую операцию под названием «перенимание коров». А состояла она в следующем. Коров, овец и коз пригоняли с пастбища, а для того, чтобы они не разбрелись по деревне, подростки и женщины встречали свою скотину неподалеку от деревни и загоняли по дворам. При этом если коровы и козы шли спокойно, то с овцами была сплошная мука. Их тащили за рога, а иногда просто-напросто кто посильней взваливал жока на спину и нес домой. Частенько хлопот добавляли мы, мальчишки. Помочимся все вместе где-нибудь под забором, а овцы, охочие до соли, начинают грызть землю в этом месте. Никакими силами их не оттащишь. (Много лет спустя я наблюдал, как точно так же перенимают скотину в африканской деревне.)

На следующее утро деревня предстала во всей своей красоте. Наш дом находился на самой вершине зимаревского холма. Усадьба Пушкина — вот она, через луг. Там же виднелась Савкина горка и деревня Савкино. Деревня Савкино была отстроена специально к 150-летию со дня рождения Пушкина в качестве показательной деревни. Ряд новеньких домов с красными черепичными крышами. В них поселили жителей деревни на зависть колхозникам всех деревень в округе. С завистью мы смотрели каждый вечер и на фонарный столб в Михайловском, где, как только наступали сумерки, загоралась электрическая лампочка.

Но прежде всего луг. Вообще-то, это был не один луг, а несколько, но выглядели они как один. Луг был заливной, то есть его заливало каждую весну во время половодья. И этот луг, можно сказать, являлся продолжением деревни. Прямо под зимаревским холмом находились так называемые мочила, то есть небольшие ямы, выкопанные для замачивания льна. Возможно, они сохранились и сейчас. Затем начинался собственно луг. Здесь росли травы, которые во время сенокоса скашивали. На скошенном лугу пасли гусей и коров. Мама в детстве тоже пасла гусей и вспоминала, что весь луг был белым от гусей. Для деревни луг имел большое значение, так как Зимари славились своими крупными, жирными гусями, и поэтому для местных жителей это были не просто «луга, измятые моей бродящей ленью», как писал великий Пушкин, а луг-кормилица. Гусей возили на продажу в Пушкинские Горы, благодаря чему в деревне было много зажиточных хозяйств. После отмены нэпа и начала коллективизации гусей выращивать перестали. И трава на лугу уже не стала такой сочной, так как гуси не удобряли ее. Кстати, и мяса в Пушгорах стало меньше, а в кафе «Березка» на михайловском лугу подавали биточки. Видимо, за отсутствием в них мяса эти биточки неудобно было называть котлетами. Тем не менее наш колхоз имени Чапаева регулярно заготавливал на зимаревском лугу сено, а на свежескошенный луг выпускали пастись коров. Луг обеднел также и потому, что при стоговании сена по нему бегал трактор, причем по новой технологии он не подтаскивал копны к стогу, а, наоборот, таскал стог от копны к копне. И порос луг не шелковым разнотравьем, а травой-ежой, попросту говоря, кочкарником. Возможно, сейчас луг восстановился.

Надо сказать, Зимари занимают очень выгодное с экономической точки зрения положение. К югу от нее расположен луг, кормивший всю деревню и принадлежавший ей безраздельно, потому что других селений поблизости не было. А к северу — глухие просторы с перелесками и лугами, где тоже деревень практически не было и никто на угодьях не претендовал. На этих лугах зимаревские крестьяне накашивали много сена и заготавливали хворост в неограниченном количестве. Поэтому Зимари считались зажиточной деревней.

Слева от луга протекает река Сороть. По берегу проложена тропинка. Здесь запах речных кувшинок смешивается с запахом луговых трав. На другом берегу, напротив луга, находится так называемый «борок», то есть небольшой густой лесок, вплотную подходящий к реке. Его можно видеть даже на рисунке землемера И. С. Иванова, сделанном в 1837 году. Под борком хорошо ловилась уклейка, или, по-местному, «клея». Кстати, ерш у нас назывался «яреш». Уклейку мы жарили и ели, разнообразя наш скудный рацион. Первый луг от деревни Зимари доходит до старицы, то есть бывшего русла Сороти. Перейдя старицу, мы попадали на небольшое возвышение. Там росла одичавшая клубника. Ягода была некрупная, действительно похожая на садовую землянику, с необычным вкусом. Здесь мы частенько собирались и «паслись». Деревенские говорили, что клубнику посадила барыня из Дериглазова. Дальше до Сороти луг был влажным и топким, но пройти можно («на влажных берегах бродящие стада»). Здесь построили небольшой временный мостик, по нему мы перебирались в Михайловское. Впрочем, там мы бывали редко, так как нам хватало своих замечательных лесов и лугов. На нашем лугу однажды сел самолет У-2, значит, зимаревский луг был большой и ровный.

На зимаревском лугу обитало множество птиц. Летом высоко в небе неподвижно висели жаворонки и пели свои песни. По берегам бегало множество куликов. Они почему-то не любили летать, а постоянно шмыгали в кусты. Осенью здесь кормилось перед перелетом на юг великое множество скворцов. Если их вспугнуть, они взлетали в небо, и их стаи начинали выписывать самые невероятные фигуры. Потом их стало меньше. Оказывается, скворцы улетают на зиму в основном во Францию, где как раз осенью созревает виноград для фирменных французских вин. Уставшие скворцы набрасываются на сладкий виноград, что вызывает недовольство местных виноградарей. Они отстреливают их, а также всячески травят. Поэтому весной не все наши скворушки возвращаются домой.

Нельзя не упомянуть о высоком славянском кургане на вершине зимаревского холма, всего метрах в ста от крайней избы. Деревенские его побаивались, рассказывали всякие небылицы. Мы, мальчишки, к нему не подходили «от греха подальше». Позднее, уже взрослым, я к нему ходил. Курган довольно крутой и, в отличие от остатков курганов в Михайловском, высокий, около пяти метров. Трава на нем росла редкая. Я удивлялся, как при таком негустом травяном покрове он простоял несколько веков. Старинные деревенские пахари его не срывали, испытывая к нему почтение, да и плугом с лошадкой его не возьмешь. Но вот в деревню пришел трактор «Кировец». Ему все нипочем. Курган мешал пахоте, и его срыли. Жаль. (Кстати, трактор «Кировец» сделал и другое недоброе дело. Однажды местный тракторист установил на лемехе плуга слишком большую глубину пахоты и перевернул все поле так, что наверху оказалась глина, а тонкий культурный слой внизу. Колхозная земля не своя, а мощный трактор мог пахать на любую глубину.)

И вот началась моя деревенская жизнь. Пока не созрели ягоды и не появились грибы, мы проводили все время на реке. Купались и ловили удочками рыбу. Заготавливали хворост. Тут как раз подоспел большой праздник — 6 июня 1949 года, 150-летие со дня рождения Пушкина. Праздник был грандиозный, народу понаехало много. Был знаменитый литературовед Ираклий Андроников. Работали небольшие киоски с каким-то товаром. Местный народ, не избалованный изобилием, кое-что покупал. На поляне поставили скамейки. После торжественной части состоялся концерт. Праздник несколько испортила начавшаяся во второй половине дня сильнейшая гроза. Сначала мы прятались под соснами, но когда промокли до нитки, то прямо под дождем и градом побежали в свою деревню через луг. Несмотря на сверкавшие молнии, до-

брались благополучно. «Под крупным дождем ребяташки бежали /Босые к деревне своей», как писал Некрасов. Об этой грозе потом долго говорили, так как кое-где она наделала бед.

Питание в деревне оставалось очень скудным. Практически одна картошка с хлебом. Как только появлялся зеленый лук, его толкли и заправляли картошку. Молока не хватало. Своей коровы еще не держали. Была стельная телка, но отела ждали зимой. Молоко брали в колхозе в счет будущего заработка в виде трудодней. В деревне было два стада коров — колхозное и частное. Когда подходила наша очередь пасти деревенское стадо, мы с братом работали у дяди Васи подпасками. Всех коров мы знали по именам. Особенно мне нравилось имя Муза — так назвала свою корову учительница. Иногда покупали молоко у односельчан, уже обзаведшихся коровами. Один раз ходили за молоком в дальний лес, где жила каким-то образом уцелевшая со времен коллективизации семья единоличников. Кстати, там же где-то неподалеку скрывался бывший полицаи. Об этом знала и милиция, но на него махнули рукой, не трогали. Небольшим подспорьем служили грибы и ягоды, но они в начале лета еще не созрели. На трудодни давали зерно, а молоть его приходилось самим с помощью жерновов. Конструкция их была необычная. К подвижному жернову с отверстием посередине для подсыпания зерна прикреплен в качестве ручки для вращения шест, верхним концом входивший в отверстие доски, прикрепленной над жерновами. Это облегчало движение жернова с места в начале мукомольного процесса. Кроме того, шест обеспечивал вращение верхнего жернова вокруг вертикальной оси, не давая ему соскакивать с нижнего, неподвижного. Вращать жернова очень тяжело. Но зато хлеб из такой муки, испеченный в русской печке, необыкновенно вкусный и душистый.

12 июля у православных Петров день. Где его праздновать, как не в Петровском! Тогда никакого музея не было, но фундамент дома деда Пушкина Ганнибала помню хорошо. Туда люди и начали стекаться со всех окрестных деревень. На церковные праздники тогда собиралось довольно много народа. Кое-кто вернулся с войны, а также выросли парни, не мобилизованные на фронт по малолетству. Правда, многие ребята уехали в ремесленные училища, куда их набирали после войны. Набор проходил принудительно. Для восстановления страны требовались кадры. Забрали и моего брата Саньку, но он сбежал обратно в деревню. Согласно тогдашнему закону это строго каралось. Его и многих других убежавших из ремесленного училища деревенских подростков судили и посадили на полгода. Их пожалели, никуда не отправили, но при тогдашней нехватке площадей власти не знали, где их держать. Выход нашлся простой. Разгородили широкий коридор во псковском городском управлении милиции продольной перегородкой. По одной стороне коридора ходили милиционеры, а на другой стороне сидели подростки. Так как половина коридора была узкой, то ребята сидели поперек коридора на матрасах, упираясь согнутыми в коленях ногами в стенку. Так, полулежа, и спали.

К празднику народ нагнал самогонки. Самогоноварение преследовалось законом, но на это милиция смотрела сквозь пальцы. В основном потому, что сами милиционеры часто угощались в деревнях. Гнали самогонку в лесу, у какого-нибудь ручья. В деревне самогонка служила также универсальным способом оплаты за любые услуги, так как денег практически ни у кого не было. Тете Нюше, без ноги, эта валюта была крайне необходима.

До Петровского было рукой подать — нужно только переправиться через Сороть. Мы, ребята, туда и направились, переплыв реку. Праздник застали в полном разгаре. Проходил он так. По главной улице взад-вперед ходили группы молодежи из различных деревень. В каждой группе своя гармошка. Пели частушки, а на встречных

курсах парни воинственно поглядывали друг на друга. Подогревали себя для будущей драки. Традиция драться на праздниках считалась нерушимой. Особенно любили драться кольями, их обычно выдергивали из соседних плетней. В конце концов так и случалось. Девки с визгом разбежались, а парни бились до крови. Иногда баловались и ножичками. Один парень из нашей деревни кого-то пырнул, так и поехал в Магаданский край. Однако благополучно вернулся и получил прозвище Колыма. (Кстати, его жена частенько переругивалась на всю деревню с моей тетей Нюшей. Не случайно Гейченко в одном из своих рассказов писал, что по вечерам в хорошую, тихую погоду Пушкин мог слышать, как бранятся зимаревские бабы. Понятно, что все это слышал сам Гейченко.)

Петров день — это и начало сенокоса. «В полном разгаре страда деревенская». В пушкинском крае я постоянно вспоминал стихи Некрасова из программы пятого класса, который только что окончил. На сенокос отправились все: и взрослые, и подростки. Пришлось поработать и мне. Ребята сено, конечно же, не косили, но ворошили для просушки, собирали в копны, а копны на лошади с помощью специальной волокуши подвозили к месту стогования. Стога на Псковщине называли «одонками». Вообще, там я узнал много местных слов. Например, подберезовики называли «обабками». Вместо «нынче» говорили «нойма». Видимо, в диалекте сохранились следы языка древнего славянского племени кривичей или финно-угорских племен, живших в этих местах около тысячи лет тому назад.

После сенокоса нас, подростков, иногда привлекали и к другим работам. Помню, пригнали к нам откуда-то волов, возможно, трофейных, — скотина, в наших краях не виданная. Волы должны были заменить наших измученных деревенской работой немногочисленных лошадок. И волы неплохо потрудились. Они легко тащили за собой плуги и бороны. Как-то раз нас с братом Геней попросили перегнать двух волов в какое-то отдаленное место. Нас посадили на них, дали по хворостине и указали направление. Когда я оказался на спине огромного вола, мне показалось, что я сижу на слоне. Спина вола очень широкая, сидеть верхом на ней невозможно. Сидел, поджав ноги под себя. Однако волы послушно зашагали туда, куда мы их направили. Потребовались чудеса балансирования, чтобы не свалиться на землю, — взобраться обратно без посторонней помощи мы бы не смогли. Особенно тяжело пришлось, когда переправлялись через овраг. Волы не такие гибкие, как лошади, и при спуске их спина резко наклонилась вниз, и мы, чтобы не упасть, уперлись ногами в рога. А когда выбирались из оврага, вцепились в рога руками, чтобы не скатиться обратно в овраг. До места назначения волов мы благополучно доставили.

Наконец поспели грибы и ягоды. И началась уже наша, ребячья страда. За ягодами и за грибами ходили каждый день. Ягоды собирали не только в лесу, но и в заброшенных деревнях за Зимарями. Особенно красива была оставленная жителями деревня Горки, совсем рядом с нашей деревней. Деревня располагалась на высоком холме с видом на широкие просторы и вся засажена садами. Там мы и собирали красную и черную смородину на многочисленных кустах. У нас росло много вишняка, то есть зарослей вишневых деревьев. Правда, до черноты, когда вишня становилась сладкой, ягоды не доходили: мы ели их еще красными, а это не совсем вкусно.

Грибы собирали в окрестных лесах. Леса небольшие, заблудиться невозможно, но зато безлюдные: территория за Зимарями почти не заселена. Здесь я повстречался со следами войны.

Зимари — деревня, пострадавшая дважды. Сначала ее сожгли как партизанскую, а затем она оказалась на линии фронта с нашей стороны, когда наши части подошли в 1944 году, после снятия блокады Ленинграда. В результате вся деревня и окрестности изрыты окопами и траншеями. В самой деревне траншеи запахали, а в лесу их оста-

валось множество. Сначала я не понял, что это за канавы, где по краям так хорошо растут грибы, но потом мне объяснили, что это остатки фронтовых траншей. Много находили в лесу и квадратных ям — остатков командирских землянок с хорошо сохранившимся прорытым входом. Натыкались мы и на снаряды. Один раз мальчишки пытались разобрать снаряд, чтобы добыть тол и глушить рыбу. Я напрасно их предупредил об опасности. Меня, конечно же, не слушали и даже назвали трусом. Превозмогая стыд, я отошел подальше и залег. Мне-то, городскому, было хорошо известно о подрывах людей в окрестностях Ленинграда. Тогда много мальчишек погибли или стали калеками. А сколько ужасов я видел, когда ходил в баню: множество крепких, молодых мужчин, а тела их жестоко изуродованы войной.

В один из приездов в деревню я встретил на лугу бывшего солдата, шедшего в Зимари, отделившись от группы экскурсантов. Он очень удивился тому, что деревня отстроилась и возродилась. Вспоминал, как здесь было все перерыто и не оставалось даже бревнышка или кирпичика: все шло на укрепление траншей. Вспоминал окопный быт и петуха в Михайловском, где проходила немецкая линия фронта, по утрам будившего и наших, и немцев.

Грибы собирали каждый день, это была наша обязательная работа, и каждый день взрослые варили грибной суп с картошкой. Так что благодаря нашим стараниям летом в деревне голодных не было. В лес выходили с раннего утра и оставались там до полуденной жары. Все точно как у Некрасова: «Ух, жарко!.. До полдня грибы собирали». Сдав грибы хозяйкам, бежали на речку купаться. В деревне я, блокадник, окреп, но блокада все-таки иногда сказывалась.

Постепенно лето подходило к концу. Созревал урожай. Сначала поспели яблоки в колхозном саду. Сад большой и находился за деревней. Его посадили при организации колхоза, чтобы вызвать у колхозников энтузиазм строителей нового советского общества. Колхоз назвали, непонятно почему, именем Чапаева. Где Чапаев и где псковская деревня. Сад состоял, по сути, из двух — верхнего и нижнего, разделенных елями. (Контур сада, уже сильно заросшего, можно и сегодня разглядеть на спутниковой карте.) Здесь мы, подростки, собирали яблоки, потом их отвозили на склады в Пушкинские Горы. Сейчас яблони одичали, а яблоки стали кислыми.

19 августа отмечали Яблочный Спас. По местному церковному правилу организация праздника возлагалась на деревню Зимари. Пекли пироги и гнали самогонку. Играли на гармошках и гуляли по главной улице туда и обратно. На этот раз драк не было, никто не пострадал. Ходили в гости. В одной избе я увидел висевшее у православной иконы полотенце, оставшееся от какого-то немецкого оккупанта. На полотенце надпись на немецком языке: «Morgenstunde haben Gold im Munde». Немецкий я тогда знал неплохо — предмет мне нравился. Тогда я перевел поговорку русским аналогом: «Кто рано встает, тот богато живет», за что хозяева меня очень заужали.

Кончался август. Скоро мне предстояло покинуть деревню и вернуться в город. Впоследствии я приезжал в Зимари каждое лето.

Деревня эта и сейчас красуется на высоком холме. Славная, непобедимая деревня, большое тебе спасибо за то, что ты есть. Вот какие теплые и душевные стихи посвятил нашей деревне директор Пушкинского заповедника Георгий Николаевич Василевич:

С зимаревского холма вся Россия впрямь видна,
Города ее, и веси, и стихи ее, и песни,
Птичьи стаи в небесах и часовни на холмах.
В Зимарях зимой и летом помнят Пушкина-поэта.
В деревеньке Зимари славно, что ни говори!